МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Филологический факультет
Кафедра литературы

Код и направление подготовки **44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**
Профили **«Русский язык», «Литература»**

«Допущен(а) к защите»

Декан_____И. Н. Политова
« ____ » _____ 2019 г.
И. о. зав.
кафедрой литературы

_____М. И. Бондаренко
« ____ » _____
2019 г.

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА В ШКОЛЕ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Выполнила:
студентка заочной формы обучения
Анохина Ксения Сергеевна

Руководитель: доктор фил. наук Прохоров Георгий Сергеевич

Рецензент: кфилн, доцент Бондаренко Марина Игоревна

Коломна

2019

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА.....2

1.1. Понятие «региональный текст»......2

1.2. Особенности отображения регионального текста в классической русской литературе......2

ГЛАВА 2. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ.....2

2.1. Понятие литературного краеведения......2

2.2. Урочные формы работы по литературному краеведению......2

2.3. Местная литература в школе......2

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ КОЛОМЕНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА......2

3.1. История и общие принципы коломенского текста......2

3.2. Романы Пильняка «Соляной амбар» и Р. Славацкого «Мемориал»......2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....2

ВВЕДЕНИЕ

Современное «картографирование» литературного и литературоведческого пространства осуществляется на глобальном и локальном уровнях через тексты. Происходит повсеместное и целенаправленное, при некоторой внешней спонтанности, учреждение таких локальных текстов разного масштаба и уровня. Вслед за петербургским текстом возникли московский, киевский, сибирский, алтайский, уральский, волжский, саратовский, самарский, кавказский, вятский, елецкий, муромский, вологодский, северный и др. тексты. Внимательное изучение такого материала позволяет сделать вывод, что, как правило, сам этот процесс не сводится к поверхностному подражанию первообразцу – петербургскому тексту В.Н. Топорова, как это может показаться на первый взгляд, а является ответом исторически сформированного комплекса филологического, в частности, и гуманитарного в целом знания на глубинные потребности национального семиозиса[1]. Поэтому особо актуальным представляется преодоление методологического разобщения отдельных дисциплинарных и «региональных» направлений в целостной интерпретации русской литературы как суммы и системы текстов разного уровня и поиска адекватной методологии такой интерпретации, имеющей перспективу интенсивного гуманитарного исследования.

Объединение анализа текстов с биографическим и историческим контекстами позволяет избавиться от их замкнутой самоцельности и рассматривать локальный текст в более многомерном пространстве. И он «оживает», как обретают новые черты биографические разделы и исторические экскурсы. Только в совокупности рассмотренные части складываются в единую, демонстрируя некий образ.

Все перечисленное приближает нас к следующему выводу: художественное осмысление места в отрыве от художника (автора) неполноценно. Как несостоятельна и разработка одного биографического контекста: «краеведы, обращаясь к биографии писателя, собственно литературной части не касаются вовсе, либо решительно отделяют биографию от творчества»[2]. На наш взгляд, литературная часть и биографический элемент должны изучаться одновременно — параллельно или методом

---

[1] Фадеева, И.Е., Сулимов, В.А. Семиозис: Субъективная антропология символической реальности. – СПб.: Астерион, 2013. – С. 7.

[2] Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. — С. 6.

взаимопроникновения, — дополняя друг друга и — оживляя образ места.

Целью дипломной работы является подробная характеристика понятия регионального текста и его примеров.

Использованы такие методы исследования как анализ, описание и сравнение.

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА

1.1. Понятие «региональный текст».

В рамках антропологического подхода в городских исследованиях региональный (или локальный) текст понимается как система ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых образов, сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом.

В существующих работах о городских локальных текстах наиболее распространены два подхода. В одном случае исследователи пытаются, анализируя материал, прежде всего обнаружить общие идеи (или мотивы), доминирующие в городском самосознании и формирующие его специфичность. Это позволяет в обобщенном виде воспроизвести «образ места» как сумму его основных семантических характеристик и образных кодов. Другой путь состоит в выявлении максимального репрезентативного ряда единичных объектов (напр., район города, прославленный земляк, изображение на гербе, эпизод городской истории и т.п.), которые в данном локальном тексте становятся предметом семантизации и фактором текстопорождения. Этот путь приводит к выявлению актуального тезауруса местной культурной традиции и, в пределе, – к идее описания каждого локального текста в словарно-энциклопедической форме[3].

В обоих случаях на периферии остаются вопросы путей формирования и

[3] Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. № 8. 2008. С. 419–442.

функционирования отдельных составляющих (фрагментов, элементов, единиц) локальных текстов – например, одного сюжета городского фольклора, одной речевой формулы, группы представлений вокруг одной знаковой фигуры, система представлений вокруг одного городского локуса. Чтобы понять, как в реальности «творится» и «живет» локальный текст, необходимы case study на материале отдельных фрагментов каких-либо локальных текстов, в которых детально прослеживалась бы механика и логика их генезиса, трансформирования, варьирования, прагматические аспекты их существования и система связи с другими элементами того же локального текста. Для осуществления таких исследований удобно применять методику, предполагающую выявление и описание системы контекстов, так или иначе определяющих происхождение, бытование прагматику интересующего нас фрагмента локального текста, и его в этих контекстах.[4]

1. Контекст бытования.

Для городской культуры типична ситуация, при которой некоторый стереотип или сюжет обращается в местном сообществе одновременно в книжной (краеведческие публикации) и устной (предания и анекдоты) формах. Публицистическая и фольклорная разработки сюжета или образа могут совершаться вполне автономно, поскольку каждая осуществляется с опорой на свою традицию и использует соответствующие дискурсивные модели. При этом краеведческая литература и устные тексты обращаются в социальном пространстве города не изолированно и в некоторой степени трансформируют друг друга как на содержательном, так и на дискурсивном уровне. Это особенно хорошо заметно в тех случаях, когда автор / рассказчик того или иного варианта принадлежит к двум конвенциям одновременно (например, рассказы учителей, журналистов и музейных работников). Прагматический потенциал локального нарратива (формулы, образа и т.д.) реализуется по-разному в рамках

[4] Литягин А.А., Тарабукина А.В. Специфика исследования культуры малых городов // Живая старина. 2001. № 1. С. 12.

различных социальных дискурсов и, соответственно, в различных формах бытования текста.

2. Общекультурный контекст.

В структурном отношении локальные нарративы, равно как и неповествовательные тексты, возникают не с нуля, в их конструкции используются сюжеты, мотивы, текстовые модели, формулы, наработанные в рамках более широких культурных традиций. Следует иметь в виду, что, поскольку конкретные тексты формируются не только в рамках спонтанных фольклорных процессов, но и как результат целенаправленного индивидуального или институционального творчества, то наряду с национальной фольклорной традицией в качестве культурного бэкграунда могут выступать далекие от устного фольклора пласты культуры (публицистика, научная и художественная литература). Наличие в городском репертуаре единичных, в целом не характерных для местной традиции вариантов означает лишь то, что из арсенала существующих форм были позаимствованы те, которые ранее не приурочивались к местному материалу.

3. Локальный социально-культурный контекст.

Локальный текст города пронизан внутренними связями. Во-первых, это связи предметно-тематического характера, объединяющие нарративы, речевые формулы, стереотипные суждения и практики, связанные с одним объектом. Эти связи предопределяют направления возможной группировки и циклизации текстовых единиц в процессе их воспроизведения (в разговорах, главах краеведческих работ, текстах экскурсий и т.п.), иначе говоря – синтагматику локального текста. Во-вторых, это смысловые связи между различными элементами локального знания, в частности, определяемые их соотнесенностью с той или иной семантической доминантой образа города (географической, исторической, этнической, профессиональной и т.д.). Система этих связей формирует парадигматическую структуру локального текста. Жизнеспособность конкретного элемента локального текста в культурном обиходе города обеспечивается,

в частности, его внутренними связями с другими элементами целого.[5]

Пьер Нора полагает, что локальный текст — это место памяти. С ним соглашается В. Коркунов: «Происходит соединение дискурсов, создание образа — локального текста. Места памяти. Объединяя реальные исторические события, биографии его жителей и тексты — средоточия памяти — мы получаем место памяти»[6].В этом случае, по мнению Ю. Сорочана, исследователь имеет дело не с местом, а с «образом места»[7].

«Образ места» собирателен в силу того, что включает в себя самую разную информацию: историческую, краеведческую, биографическую, мифологическую, индивидуально-авторскую[8]. Это разомкнутая категория, которая может пополняться новыми коннотациями, в том числе и литературными. Отметим, что творчество одного автора (даже если конкретному топосу посвящены многочисленные его произведения) формирует лишь определенный слой локального текста. Например, алма-атинский локальный текст репрезентирован в творчестве ряда художников: Н. Анова, Вс. Иванова, Ю. Домбровского, И. Щеголихина и пр. Вся совокупность подобных текстов и составляет литературный локальный текст Алма-Аты (или его художественный аспект).

1.2. Особенности отображения регионального текста в классической русской литературе.

В современных исследованиях региональной культуры все большее значение приобретает герменевтический анализ конкретного пространства, изучение определенного локуса как текста, выявление его смыслового и образного

---

[5] Ахметова М.В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2009. № 9. С. 207–215.

[6] Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 39.

[7] Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. С. 6.

[8] Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов // Дети Ра. № 7 (117). 2014. http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html

наполнения. Герменевтика ландшафта рассматривает географическое пространство как важный компонент семиосферы (Ю .М. Лотман) – семиотического пространства культуры, где представления о среде превращаются в знаковую систему и становятся неотъемлемой частью культурного ландшафта как целостной территориально локализованной совокупности природных, технических и социально-культурных явлений.

В.П. Семенов -Тян-Шанский считал, что «географический пейзаж несомненно влияет и на характер живописного, ваятельного, архитектурного и музыкального творчества своих уроженцев»[9]. Природный ландшафт, трансформируясь, входит в художественное сознание творца – музыканта, писателя, поэта, художника. Значимость этого процесса осознается еще более рельефно, если в его «расшифровке» задействованы художественные параллели между различными видами искусства, в особенности же в тех случаях, когда речь идет непосредственно об определенном «малом» культурном ландшафте.

Литературовед Н.М. Чернов писал: «В нашей обширной стране есть немало уголков, где сказочно красива природа, но орловцы уверены, что более красивые места, чем окрестности Спасского, отыскать трудно. Есть своя неповторимая прелесть в пейзажах среднерусской полосы. Это какая-то особая красота, соединяющая в себе красоту недалекой лесной стороны и раскинувшихся к югу от Мценска степных районов. Чутье художника помогло И.С. Тургеневу уловить эту особенность, и не случайно один из лучших очерков «Записок охотника» «Лес и степь» звучит как гимн природе родных мест»[10].

Орловщина – воистину подлинное литературное гнездо Центральной России. Это родина И.С. Тургенева и Л.Н. Андреева, А.А. Фета и Ф.И. Тютчева, А.Н. Апухтина и П.И. Якушкина. Жизненными и творческими связями с орловским краем связаны В.А. Жуковский, И.А. Бунин, Г.И. Успенский, В.Г. Короленко, Д.И. Писарев, А.М. Жемчужников, М .М.

---

[9] Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л.: Госиздат, 1928. 311 с.

[10] Чернов Н.М. Литературные места Орловского края. 2-е изд. Орел : Кн. изд-во, 1961. 155 с.

Пришвин. Совершенно справедливы слова Н.С. Лескова, который говорил, что Орел «…вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу родины ни один другой русский город»[11]

Но, пожалуй, Мценск – город с многовековой историей – занимает особое положение на культурной карте не только Орловщины, но и всей России.

Мценская земля – земля благодатная для отечественной художественной культуры. Ей мы обязаны знаменитыми произведениями – повестью Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» и одноименной оперой Д.Д. Шостаковича (один из вариантов редакции назывался «Катерина Измайлова»). Мценский край «вспоил на своих мелких водах » таких корифеев отечественной литературы, как И.С. Тургенев и А.А. Фет. Мценская земля – родина скульптора Б.И. Орловского, композитора В.С. Калинникова, оставив-шего свой неповторимый след в музыкальной культуре конца XIX в.

Именно с этим местом И.С. Тургенев связывал ощущение родины, сохранимое во всех своих многочисленных, порой весьма длительных путешестви-ях. «Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного – а мне весело. Это и есть чувство родины» (письмо И. П. Борисову, декабрь 1861 г.)[12]. Известный афоризм писателя «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись» («Рудин») особенно прочувственно осознается в его родовом имении Спасское-Лутовиново, где он провел детство и отрочество, куда приезжал в студенческие годы и неизменно возвращался из странствий по России и Европе.

В семи километрах от Мценска в поместье Новоселки и деревне Казюлькино провел свои детские и юношеские годы А.А. Фет (Шеншин). В 60-е гг. XIX в. сюда, а также в другое имение

---

[11] Новости и биржевая газета. 1883. № 104. 16 июля.

[12] Калинников *В.* Письма. Документы. Материалы : в 2 т. / сост., ред., вст. ст. и коммент. В.А. Киселева. М. : Музгиз, 1959.

Фета – Степановка – часто приезжали И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой, живший в то время в отцовском имении Никольское-Вяземское, расположенном в двенадцати верстах от Новоселок. На мценской земле А.А. Фет нашел свое последнее пристанище: он погребен в склепе церкви села Клейменово, что относилось к вотчине Шеншиных (сегодня находится в тридцати километрах от Мценска по направлению к Орлу).

Две мценские усадьбы Новоселки и Степановка, а также приобретенная поэтом позднее курская Воробъевка были для него и жизненным локусом, и подлинными творческими Пенатами, олицетворяя «суверенный топос с присущими ему одному границами и приметами и, что немаловажно, своеобразным генезисом символических образов»[13].

Для Фета особая семиосфера усадебной жизни и культуры являла гармонию природного и рукотворного начал. «Что такое русская дворянская усадьба с точки зрения духовно-эстетической? Это "дом " и "сад", устроенные на лоне природы , когда "человеческое" едино с "природным" в глубочайшей органичности роста, цветения и обновлении , а "природное" не дичится облагораживающего культурного возделывания человеком, когда поэзия родной природы развивает душу рука об руку с красотой изящных искусств, а под крышей усадебного дома не иссякает особая лирика домашнего быта, живущего в смене деятельностного труда и праздничного веселья, радостной любви и чистого созерцания»[14].

Все эти названия – Спасское, Новоселки, Степановка – не просто топографические точки, но знаки-символы культурной истории края, ее вклада в национальную и мировую сокровищницу художественного наследия. В этом плане значимы не только географические и жизненные пересечения всех трех знаменитых уроженцев мценской земли – Тургенева, Фета, Калинникова, но и творческие параллели, где удивительным

---

[13] Фет А.А. Сочинения : в 2 т. Стихотворения; Поэмы; Переводы; Т. 2: Проза / подгот. тек-ста, сост., коммент. А.А. Тархова. Т. 1. М. : Худож. лит., 1982. 520 с.

[14] Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзеншток. М.; Л., 1960–1968.

образом сказываются некие специфические черты, определяемые общностью ландшафтного кода их родины, выявляются характерные особенности, словно бы «пророщенные» природой отчего края.

И.С. Тургенев заметил, что «пишется хорошо, только живя в русской деревне. Там и воздух-то как будто «полон мыслей»! <…> Мысли напрашиваются сами»[15]. Природу родного Спасского-Лутовинова Тургенев запечатлел на написанных здесь страницах романов «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Новь». Его рассказы и очерки воспели природу родных мест, словно живописуя красками, звуками, колористическими и эмоциональными оттенками. «…Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; вдали ложится мягкий пар, теплый на вид; вместе с росой падает алый блеск на поляны, еще недавно облитые потоками жидкого золота; от деревьев, от кустов, от высоких стогов сена побежали длинные тени…» («Лес и степь»).

Русская культура всегда отличалась особой сращенностью художественного сознания и его природных первоистоков, что определяет интенциональность отечественной литературы, поэтического слова. «Какие-то важнейшие свойства природы так сгущаются в слове, что превосходят свой прообраз <…> И поэзия как бы помогает природе стать самой собой, приобщить каждую ее малую часть к бессмертию целого <…> Для поэта нет ничего важнее чувства или сознания, что, называя вещи, он дарит им обновленную, нетленную жизнь. <…> Мир заново творится словом»[16].

Показательно сходство в описании тех впечатлений, которые в сознании трех знаменитых амчан связаны с образом усадебного сада, олицетворяющего собой родину, отчий дом

---

[15] Там же, С. 186

[16] Эпштейн М.П. «Природа, мир, тайник вселенной…»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.

как земной рай, «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Для И.С. Тургенева сад его Спасского – символ постоянной духовной связи со своей «малой родиной», одухотворенный образ, созвучный переживаемым писателем в разные моменты жизни настроениям, чувствам, эмоциям. Ярким, живописным, полным жизненных сил, бурных чувств, созвучных душевному состоянию молодого художника, сад предстает в письме к Полине Виардо: «Сад мой сейчас великолепен; зелень ослепительно ярка, — такая молодость, такая свежесть, такая мощь, что трудно себе представить.

Перед моими окнами тянется аллея больших берез. Листья их слегка еще свернуты; они ещё хранят форму своих футляров, тех почек, в которых они были заключены несколько дней тому назад; это им придает праздничный вид совершенно новых платьев, на которых заметны еще все складки материи. Весь мой сад наполнен соловьями, иволгами, дроздами – прямо благодать!» (май 1853 г.)[17]. Для зрелого писателя после его очередной поездки в родное Спасское сад предстает не столько как осязаемый, конкретный образ, сколько как поэтический символ, обобщающий различные стороны – визуальные и звуковые, реальные и виртуальные – по-настоящему дорогого места: «…я ничего не знаю прелестнее наших орловских старых садов – и нигде на свете нет такого запаха и такой зелено-золотистой серости <…> под чуть-чуть лепечущими липами в этих узких и длинных аллеях, заросших шелковистой травкой и земляникою» (письмо к П.В. Анненкову от 14 (28) июня 1872)[18].

Природу Мценского края воспел А.А. Фет. Словно обращаясь к своему орловскому прошлому, к воспоминаниям о тенистом саде родных Новоселок, поэт писал:

Все далекий, давнишний мне чудится сад, –

---

[17] Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзеншток. М.; Л., 1960–1968.

[18] Там же, С. 283

Там и звезды крупней, и сильней аромат,
И ночных благовоний живая волна
Там доходит до сердца, истомы полна.
Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот – вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать (1892).

Духовное единение с природой, ее эстетическое переживание – не в ранних ли орловских впечатлениях истоки этой фетовской поэтики? Не это ли единение души художника с его «местотворчеством» имел в виду И. Бродский, когда отмечал, что «если стихотворение написано, даже уехав из этого места, продолжаешь в нем жить. Ты это место не то что одомашниваешь, ты продолжаешь в нем жить»[19]?

Все эти размышления о параллелях в творчестве земляков приводят к выводу о некоем внутреннем сходстве – не просто художественного языка, но особого способа художественного видения мира. Это сходство – особое лирическое качество, вдохновленное с детства родным пейзажем, «эфирные оттенки чувств», уловимые не в определенных отчетливых чертах, а в той музыкальной перспективе, когда само произведение (стихотворение, роман, романс, симфония) «и содержание его давно уже забылись, но мелодия его таинственно слилась с общей жизнью души нашей, сплелась с нашим духов-ным организмом»[20].

Наделенный тонким и острым слухом, Тургенев часто в своих произведениях дает «звуковые зарисовки» описания звуков музыки и звуков природы как звуков музыкальных. Художественная партитура «Записок охотника» – это пейзаж, переливающийся не только красками, но и музыкальными обертонами, дополняющими изобразительный ряд. Яркий «звуковой эпизод» – описание голосов природы в рассказе «Бежин луг»: «…где-то

[19] Свирида И.И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир / отв. ред. И.И. Свирида. М., 2007. С. 11–42.

[20] Благой Д.Д. О «Вечерних огнях» А.А. Фета. М. : Худож. лит., 1975. 112 с.

в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься – и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго-долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый шипящий свист промчался по реке».

Изучая современную литературу, необходимо понимать, что ее развитие тесно связано с развитием литературы регионов, что писатели, живущие в разных уголках необъятной России, формируют художественное пространство своего края. Но вместе с тем творчество отдельных региональных авторов, вливаясь в общий литературный поток современности, создает в совокупности то, что мы называем современной русской литературой.

В школьной практике анализ художественного текста в большой степени разделен на литературоведческий, производимый на уроках литературы, и лингвистический, которому обучают на уроках русского языка. Один и тот же текст при таком подходе понимается школьниками как два слабо взаимодействующих друг с другом феномена, и даже элементарный стилистический анализ не в состоянии заполнить эту методологическую лакуну. Филологический анализ текста, не суммирующий, но сопрягающий литературоведческий, лингвистический и стилистический подходы, снимает это противоречие и позволяет воспринимать текст как целое.

Идея исследования и описания феномена регионального текста не является новой. Как отмечает известный современный литературовед В.В. Абашев, сегодня изучение локальных текстов русской культуры превращается в быстро развивающееся направление в филологии[21].

---

[21] Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в культуре и литературе XX века [Текст] / В.В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.

ГЛАВА 2. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ

2.1. Понятие литературного краеведения.

От того, какие ценности будут сформированы у молодежи сегодня, от того, насколько молодые люди будут готовы к новому типу социальных отношений, зависит путь развития нашего общества и в настоящее время, и в будущем. Школьные годы – самая благодатная пора для воспитания священного чувства любви к Родине. Значительно возрастает социальная значимость краеведческой работы, которая строится, прежде всего, с учетом интересов детей и предполагает развитие их инициативы и общественной активности. В последнее время неуклонно возрастает роль краеведения в учебной и внеучебной работе. Положительная тенденция роста в значительной степени связана с введением, в соответствии с Законом РФ «Об образовании», национально - регионального компонента.[22]

Современное краеведение отличается многообразием форм организации и содержания. По организационным формам различают государственное, школьное и общественное краеведение. Каждая из этих форм имеет свои цели, задачи, субъекты и направления деятельности.

Государственное – в лице музеев, архивов, научно-исследовательских организаций и учреждений занимается изучением, сохранением и пропагандой исторического, культурного и природного наследия в крае.

Общественное – имеет те же задачи и направления деятельности, однако представлено иными субъектами: общественными организациями, объединениями, клубами, а также индивидуальными исследователями края. Последние, работая на энтузиазме, вносят подчас не меньший вклад

---

[22] Электронный ресурс – Режим доступа: Дарижабон З. В. Организация краеведческой деятельности подростка как основы социализации его личности. http://eaysyenqlishrtb.ucoz.ru.

в изучение края, чем государственные институты.

Школьное – представлено двумя направлениями: урочным и внеклассным. Первое направление имеет цели и задачи образовательного характера. Второе – преимущественно – воспитательного. Субъектами школьного краеведения являются педагоги, учащиеся, иногда родители школьников.[23]

В настоящее время к проблемам региональной культуры приковано пристальное внимание педагогов, краеведов, теоретиков и практиков, исследователей и методистов, журналистов, энтузиастов – ревнителей отечественной культуры. Вызывают оживлённую полемику сам предмет, объект исследования, история региональной культуры (методология, содержание, методика; опыт, традиции, перспективы; термины, дефиниции, понятия).

Само понятие имеет различные толкования, значения. Выделим три из них – наиболее приемлемых, практически значимых для просветительской работы:

- краеведение – освоение, осмысление, изучение какой-либо определённой территории, выделенной по административно-политическим или хозяйственным признакам;
- краеведение – всестороннее освоение, осмысление, научная фиксация, исследование сравнительно небольшой территории «малой родины»;
- краеведение – комплекс научных дисциплин, объектами которых являются: прошлое региона, природные условия, социально-экономическое, политическое, историческое и культурное развитие микрорайона, села, города, района, области, края, республики.[24]

Краеведческая работа педагогически очень многогранна, это комплексная наука. А.С.Барков отмечал: «Краеведение есть комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методикам».

---

[23] Табарданова Т.Б. Живое краеведение в школе: методические рекомендации./ Т.Б. Табарданова, В.Н. Янушевский – Ульяновск: УИПК ПРО, 2009.

[24] Электронный ресурс – Режим доступа: Краеведческая Абевега. http://www.near.msk.ru.

С.О.Шмидт считал: «Краеведение – как научная, так и научно-популяризаторская деятельность по изучению определенной территории».

Одновременно она может носить исследовательский и прикладной, общественно – полезный и образовательно-воспитательный характер. Кроме этого краеведение имеет еще ряд специфических особенностей: приоритет воспитательных задач, применение общеучебных навыков познания и способов деятельности, реализация личностного, деятельностного подходов в процессе деятельности.

Литературное краеведение — изучение местной литературной жизни (края, области, района, города), биографии писателей, связанных с той или иной местностью (так называемые «литературные места»), где писатель родился, жил, бывал и т. п.; литературных произведений и художественных образов, навеянных природой, историческими событиями, бытом и людьми того или иного края. Объектами литературного краеведения являются также все средства увековечения памяти писателя в данном крае (музеи, памятники, мемориальные доски и др.). Практически эти цели в литературно-краеведческих исследованиях обычно переплетаются.

В России литературное краеведение зарождается в 30—40-х гг. 19 в. как разновидность краевой библиографии. Первоначально краеведы лишь регистрировали факты местной литературной жизни, слабо связывая их с судьбами общерусской литературы. И хотя до 1917 года появилось немало «обзоров жизни и трудов» писателей — уроженцев той или иной губернии - обзоры эти охватывали все же далеко не всю страну, причем собственно писатели в них не выделялись из ряда местных краеведческих деятелей в других областях культуры.[25]

Литературное краеведение - специфическое культурологическое знание, устанавливающее связь между литературной историей края и культурным творчеством в нем.

---

[25] Электронный ресурс – Режим доступа: Литературное краеведение. http://wiki-sibiriada.ru.

Проблемы литературного краеведения:

- изучение жизни и творчества местного писателя;
- изучение писателя-классика (крупного писателя) в плане регионально-краеведческого начала;
- исследование литературной жизни в области;
- область в художественной литературе. (П.В.Куприяновский)

Литературное краеведение способствует изучению биографии и творчества писателя. Известно изречение Гёте: «Тот, кто хочет понять поэта, должен побывать в стране поэта».

Благодаря тому, что в литературном краеведении используются преимущественно местные источники (архивные, мемуарные, эпистолярные и др.), оно нередко вводит в научный оборот новые факты и документы, т. е. содействует развитию литературоведения.

Важность работы по литературному краеведению, наверное, трудно переоценить. Комплексная работа (уроки краеведения, архивная и музейная работа, встречи с писателями, участие в краеведческих конференциях) может способствовать решению задач повышения качества образования. Краеведение – это одна из возможностей возрождения общества.[26]

Одним из основополагающих принципов государственной политики в области образования, закреплённых в Законе «Об образовании» Российской Федерации, является воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье.

Воспитание патриотов – самая высокая задача любой системы образования, не теряющая значимости на протяжении всей истории человечества. Сегодня именно перед нами, педагогами, остро встали проблемы патриотического воспитания, духовно - нравственного становления ребёнка, формирования здорового образа жизни.

Проблема гуманизации образования предполагает новый подход к урокам литературы, связь с элементами краеведения. «Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно,

---

[26] Калашникова О.М. Метод исследования и интепретирования при работе с текстами на уроках литературного краеведения. // Педагогическое обозрение. – 2007. - № 4.

чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть понятны только в связи со своей родной страной»,- эти слова академика Д.С.Лихачева близки и понятны каждому учителю, стремящемуся воспитать у подрастающего поколения любовь к родному краю, малой родине.[27]

Включение элементов краеведения на уроках - лучшая пища для детского ума и воображения, средство развития памяти, интереса, внимания и воли. На этих занятиях создаются благоприятные условия для развития логического мышления детей. Ученик, опираясь на конкретно-образное мышление, возникающее в процессе наблюдения, приходит к умозаключениям, обобщениям, применяя доступные для его возраста логические операции: сравнения и аналоги, анализ и синтез, обобщение и конкретизацию. Задача учителей умело направлять мыслительную деятельность детей. Этому способствуют уроки и внеклассные мероприятия инновационных жанров: урок-исследование, урок-мастерская, урок-размышление, дидактическая игра, круглый стол, учебная конференция, урок вопросов и ответов, исследовательские конференции, которые воспитывают в детях любовь и уважение к литературе.

Таким образом, литературное краеведение является составной частью общей системы учебно-воспитательной работы общеобразовательной школы, играет большую роль в повышении качества обучения и воспитания учащихся. Поэтому необходимо уделять ему достаточное внимание в школе, работать над устранением тех трудностей, которые возникают при работе по литературному краеведению.

---

[27] Храпова О. П. Роль краеведения на уроках русского языка, литературы и изобразительного искусства / О. П. Храпова, С. И. Лепёхина // Молодой ученый. — 2011. — №6. Т.2. — С. 169-171.

2.2. Урочные формы работы по литературному краеведению.

Литературным краеведением (в обычно принятом понимании) в школе занимаются на уроках литературы, во внеклассной и внешкольной работе, при этом последние две формы занятия краеведением наиболее используемы в школьной практике и достаточно изучены в методике преподавания литературы.

На уроке литературы школьники получают лишь элементы литературно-краеведческих знаний в связи с изучаемым по программе материалом. Основная задача такого урока сообщить некоторые сведения о писателях, связанных с родными местами, и на этой основе вызвать у школьников интерес к занятиям краеведением, увлечь их этим сугубо важным делом, пробудить желание больше узнать о литературе родного края.[28]

Цель работы по литературному краеведению основана на изучении произведений художественной литературы в ракурсе региональных особенностей Забайкалья, на использовании совместной творческой деятельности учителя и учеников, их возможностей и интересов в совокупности с разнообразными действиями в плане гармонического развития личности.[29]

Знания учащихся по литературному краеведению можно разделить на две группы -*общекраеведческие знания и региональные.*

К общекраеведческим относятся знания о биографических и творческих связях писателей с тем или иным краем, о путешествиях писателей, о литературных местах России.

Региональными знаниями являются знания литературной жизни родного для учащихся края, связей с этим краем писателей-уроженцев его и писателей, приезжавших в него или его описавших.

Объединяют эти знания умения видеть образ пространства в художественном тексте, различать в произведении реальное место действия и

---

[28] Белоусов Д.А. Литературно-краеведческий кружок в сельской школе: книга для учителя. Из опыта внеклассной работы / под ред. М.Д. Янко. – М: Просвещение, 1987. – С. 55.

[29] Кивлева А.Н. «Через любовь к родному Забайкалью к любви его литературы…» (Из опыта работы по литературному краеведению).// Педагогическое обозрение. – 2007. - № 4.

сюжетное пространство, соотносить локусы текста с сюжетно важными моментами, выделять пространственный тип героя.

Общекраеведческие знания учащиеся получают во всех классах, но в большей степени в старших, когда изучается не только произведение, но и биография писателя, его творчество. Эти знания сообщаются учителем, приобретаются в процессе работы с текстами, учебниками, дополнительной литературой.

Общекраеведческие знания учащихся определяются программой школьного курса, региональные знания целиком и полностью зависят от того, введены ли в школе уроки регионального компонента или литературно-краеведческий факультатив, и от внимания словесника к литературному краеведению.

К региональным знаниям, прежде всего, относится начитанность в области региональной литературы (художественные произведения о родном крае, работы о литературной жизни края, о местных писателях), знакомство с литературными местами родного края.

Исходя из того, что *в основе литературного краеведения лежит художественное осмысление пространства,* учитель главное внимание должен уделить произведению, художественному тексту, процессу создания его художником, сопоставлению творчества писателя с жизненными впечатлениями автора и читателя об определенном крае, построить учебную и внеклассную работу школьников так, чтобы учащиеся видели в краеведении один из путей постижения произведений литературы и искусства. Этому будет способствовать верно организованное соотношение основного и регионального компонентов образования в школьном литературном краеведении.

Рассмотрим, какие могут быть пути взаимосвязи этих компонентов в процессе обучения школьников литературе.

Первый путь - это использование приема сопоставления произведений, авторов из основного литературного курса и регионального факультатива или спецкурса. Сопоставление может идти

по следующим линиям: автор и край, произведение и край

Второй путь соотнесения основного и регионального компонента краеведения в преподавании и изучении литературы можно условно назвать *контекстным.*

По мнению Л.Е. Прохоренко, «проблема соотношения литературных и внелитературных рядов конкретизируется с помощью понятий исторического, социального и культурного контекстов. Каждый из контекстов свое содержание выявляет с помощью соответствующего определителя: для исторического контекста таким определителем является конкретно-историческое время (эпоха), для социального - среда, для культурного - традиция». Добавим, что каждый контекст имеет свое пространство - историческое, социокультурное и т.д.

Третий путь взаимосвязи основного и регионального компонентов - это путь обращения к сквозным темам, мотивам, образам-мотивам. Этот путь важен для учителю возможностью уйти от линейного рассмотрения писателей, обратиться к историко-функциональному подходу в изучении литературы, понимая ее не только как совокупность текстов, а как коммуникативный процесс, в котором активная роль принадлежит читателю, его умению видеть произведения, литературные образы в разных социокультурных контекстах, в различных прочтениях и сопоставлениях (т.е. этот путь продолжает первые два).

Таким образом, соотношение основного и регионального компонентов в школьном литературном краеведении через сопоставительный, контекстный и путь сквозных тем, мотивов и образов открывает перед учителем возможности создания новых технологических подходов к изучению творчества писателей, к анализу художественных текстов - подходов, позволяющих учащимся опираться на свои личные впечатления, жизненные наблюдения, увидеть произведения разного художественного уровня, сравнить художественные вершины и общий литературный фон, соотнести общенациональные и региональные проблемы

культуры, научиться рассматривать литературные образы в разных социокультурных контекстах, в различных прочтениях и сопоставлениях, различать географическое, культурное и художественное пространство, видеть роль его в структуре художественного произведения.

Региональный компонент школьной программы по литературе, подобно федеральной программе, предполагает три уровня изучения художественных произведений:

а) для чтения и изучения;

б) для самостоятельного чтения и обсуждения в классе;

в) для внеклассного чтения.

Краеведческая работа является педагогическим средством активизации учебно-воспитательного процесса. Как показывает опыт работы, в современных условиях наиболее эффективной является поисково-исследовательская деятельность учащихся. Краеведение создаёт благоприятные условия для организации различных заданий творческого характера. Эти работы различны как по содержанию, так и по методике их организации и проведения:

- Письменные работы на краеведческие темы (сочинения и рефераты). Значение этого вида творческой деятельности в приобщении учащихся к систематическому и целенаправленному поиску и сбору материала. Они учатся анализировать, отбирать самые главные, рассматривать любой краеведческий объект всесторонне, тесно увязывая его жизнь с жизнью края и страны. Написание трудовых биографий передовых людей края, очерков о людях труда прививает учащимся любовь к труду, воспитывает уважение к людям труда, способствует выбору профессии.
- Литературная обработка воспоминаний участников различных исторических событий. Прямая передача знаний людей различных поколений, профессий, влечений и умений подросткам создает особую, творческую и дружескую, гармоничную атмосферу. Именно в такие моменты слова: героизм, патриотизм, Родина – приобретают не отвлеченное значение, а наполняются

конкретным смыслом и имеют значительный воспитывающий эффект.

В процессе работы с текстами художественных произведений особое внимание уделяется рассмотрению образа забайкальской земли и духовной красоты людей, живущих на ней.

Таким образом, уроки литературного краеведения являются важным звеном литературного образования школьников и создают дополнительные возможности для их нравственно-эстетического воспитания.

2.3. Местная литература в школе.

В качестве примера инструментов литературного краеведения в школе приведем журналы. «Филологический класс» — рецензируемый научно-методический журнал, публикующий результаты исследований по литературоведению, лингвистике и методике преподавания дисциплин филологического цикла в вузе и школе, обзоры научно-методических мероприятий, рецензии на монографии, учебные комплексы.

Цель журнала «Филологический класс»— способствовать воздействию результатов академических исследований на вузовское и школьное образование, их внедрению в непосредственную практику преподавания, что позволит обеспечить формирование единой системы гуманитарного образования.

Журнал выходит 4 раза в год (март, июнь, октябрь, декабрь). К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Все статьи сопровождаются развернутыми аннотациями, ключевыми словами и сведениями об авторах на русском и английском языках.

Полнотекстовая версия журнала находится в режиме свободного доступа: на сайте журнала journals.uspu.ru и на платформе Научной электронной библиотеки (РИНЦ).

Основные темы журнала «Филологический класс» на 2018-2019 годы предполагают междисциплинарный подход, охватывающий различные аспекты литературоведения, лингвистики и методики преподавания в высшей и средней школе указанных дисциплин.

«Филологический класс», признавая за авторами право на широкую интерпретацию заявленных тем, стремится к созданию научно убедительного, аргументированного диалога между сторонниками различных методологических подходов, основанного на академическом стиле изложения позиций. Предпочтения отдаются статьям, осуществляющим комплексный анализ, использующим компаративистские исследовательские практики, отличающиеся инновационным подходом к преподаванию языка и литературы на разных уровнях образования, содержащим полемику.

Журнал «Филологический класс» основан в 1996 году выдающимся отечественным литературоведом, профессором Наумом Лазаревичем Лейдерманом. В название журнала ученый вкладывал двоякий смысл: стать своеобразным «классом» — школой профессионалов и для профессионалов», и конкретной формой внедрения новых образовательных концепций; им же были предложены и базовые рубрики.

Журнал «Литература в школе» ставит своей главной задачей спасение литературы в школе. Дети должны читать и размышлять на примерах самых лучших книг и самых достойных писателей. Журнал пытается решить проблему нового стандарта литературы в школе, прежде всего, через подготовку грамотных и методически подкованных педагогов.

Журнал «Литература в школе» – старейшее педагогическое издание в России. Журнал основан в августе 1914 года как помощник учителя русской словесности. Это ежемесячное иллюстрированное научно-методическое издание знакомит читателей с теорией и историей литературы, вопросами литературоведения, достижениями методики преподавания и продвижения передового опыта лучших учителей страны, содержанием и объёмом курса литературы в школе.

Одновременно с журналом выходит научно-методическое и культурно-образовательное приложение «Уроки литературы», поддерживающее главную тему номера.

Журнал «Литература в школе» рассчитан на профессиональную читательскую аудиторию – преподавателей русского языка и литературы. Издание содержит методические советы по построению уроков, по

внедрению новых способов раскрытия изучаемой темы. Журнал предлагает учителям литературы уже готовые планы уроков по некоторым темам, в качестве образца. Для удобства поиска необходимого материала в журнале печатается алфавитный указатель статей за год. Помимо информации для преподавателей, издание содержит материалы в помощь учащимся. В частности, на страницах журнала печатаются материалы, призванные помочь школьникам в работе над сочинениями.

Ведущие литературоведы, учёные, критики, по-новому откроют, казалось бы, хорошо знакомые произведения классики, познакомят с интересными явлениями современной литературы, а учителя-практики поделятся своими находками и помогут сделать уроки яркими, запоминающимися, а внеклассную работу увлекательной и незабываемой.

В рубрике «Наши духовные ценности» рассматривается вклад писателей и поэтов в нравственное и эстетическое воспитание человека. Духовные ценности рассматриваются на примерах литературных героев и сюжетов великих мастеров писательского искусства.

Рубрика «Готовясь к уроку» знакомит учителей с методическими приемами раскрытия отдельной темы, на примере программных произведений. Большая рубрика «Опыт. Поиск. Мастерство» разработана для совершенствования педагогического мастерства учителя литературы. В ней приведены примерные планы уроков на отдельном вкладыше, которые учителя могут использовать в своей деятельности, дается современный взгляд на произведения зарубежной литературы и обзор новых методических книг и пособий. Рубрика «Уча учусь» - это сборник критической литературы по программным произведениям.

Огромную роль играет литературное краеведение по программе фгос. Краеведческая деятельность детей относится к видам деятельности, развивающим в ее участниках такие качества, как ответственность,самостоятельность, уважение прав человека, интерес к окружающим и к собственной стране, чувство

привязанности к родному краю, его истории, литературе, природе, людям.

Такая деятельность предусматривает выполнение следующих задач:

- способствовать возрождению духовности, любви к родной стране у подрастающего поколения, национального сознания;
- повышать результативность воспитания и обучения с помощью ярких примеров из окружающей среды;
- обогащать опытом совместной деятельности, общения;
- осуществлять личностное развитие каждого ученика .

Особую актуальность туристско-краеведческая деятельность в системе учебно-воспитательной работы в образовательных учреждениях приобретает сейчас. Она предусматривает исследованию родного края во взаимосвязи с изучением глобальных и региональных особенностей окружающей среды, создает условия для использования краеведческого материала в учебно-воспитательной работе школы и вузы, обеспечивает применение приобретенных знаний, умений и навыков.

С учетом того, что туристско-краеведческая деятельность является не только способом проведения свободного времени, но и формой воспитательного воздействия на личность, выделяют различные ее функции и виды основных функций организации данной деятельности является:

- воспитательная функция. Каждая туристская путешествие формирует определенный опыт терпеливого преодоления неудобств, воспитывает любовь и уважение к людям, родному краю, учит уважительно относиться к традициям, верованиям, свитое рассмотрения других народов и многое другое;
- развивающая функция. В процессе путешествий происходят развитие познавательной активности, обеспечение возможности адекватного самопознания, вооружение коммуникативными умениями и навыками;

- познавательная функция Она заключается в познании мира, накоплении опыта, формировании мировоззрения каждого ученика.

Различают две основные формы работы по краеведению - это туристская и стационарная форма:

- туристская форма представляет собой прогулки, экскурсии, однодневные и многодневные походы, путешествия на разных видах транспорта, экспедиции, туристские слеты (школьные, районные, городские, областные, республиканские), которые связаны с выездом за пределы населенного пункта;
- стационарная форма включает в себя физическую, учебно-методическую, техническую, географическую и другую необходимую подготовку, так же работу на географической площадке, встречи со знатными земляками, воображаемые путешествия по стране, краеведческие олимпиады, конференции, школьные краеведческие эстафеты, конкурсы, выставки, викторины, выпуск краеведческого журнала, радиогазеты и стенгазеты, переписка и обмен краеведческой литературой, издание альманахов и другие мероприятия, которые проводятся в условиях школы, на улицах населенного пункта.

По количеству человек различают следующие формы работы:

- массовые проводятся с большим составом участников. К такой форме работы относятся олимпиады, КВН, тематические вечера, научно-практические конференции, диспуты, игровая деятельность, встречи с интересными людьми.
- групповые охватывают группы людей до 30–35 человек. К такой форме работы можно отнести кружки, секции, факультативы, экскурсии, экспедиции, походы, оформители и хранители туристско-краеведческих музеев, уголков и выставок.
- индивидуальные рассчитаны на конкретных людей и отличаются от групповой тем, что это работа исполнительного характера (подготовка доклада, изготовление пособий или инвентаря, составление альбомов, коллекций, гербариев).

Все формы работы примерной можно разбить на четыре группы:

- теоретическая работа (кружки, факультативы, конференции);
- краеведческая деятельность (экскурсии, походы, экспедиции);
- творческая самодеятельность (культурно-массовые мероприятия и игровая деятельность);
- общественно полезная работа (оборудование географического кабинета или площадки, выставок и музеев, проведения природоохранных мероприятий).

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ КОЛОМЕНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕКСТА.

3.1. История и общие принципы коломенского текста.

После того, как Владимир Николаевич Топоров ввел термин «петербургский текст» («пресуществление материальной реальности в духовные ценности»)[30], литературоведение обнаружило целую серию так называемых локальных текстов[31]: московский, северный, пермский и т. п. Это естественно, т. к. русская литература складывалась не только из текстов-гигантов, каковы петербургский и московский, их всегда окружал калейдоскоп малых текстов, которые могут быть объединены понятием «провинциальный текст». Если это общее понятие несет в себе интегрирующее начало, то каждая из его составных частей (в том числе и коломенский текст), обладая собственной спецификой, вносит взаимодополняющие обертоны. Мы хотим здесь уйти от всякого рода спекуляций на темы «провинция нас спасет» или «провинция нас погубит» и попытаемся определить границы и содержание предлагаемого термина «коломенский текст».

Василий Щукин «петербургскому тексту» противопоставил «усадебный текст» русской литературы. У каждого текста есть, как он говорит, «текст-код» или основной миф этого текста. В Петербурге это легенда о дьявольском городе, который обречен на погибель. Основной миф усадебного текста – «райский сад», утраченный нами[32]. Возвращаясь к провинциальному тексту русской литературы (не совпадающему с усадебным), зададимся вопросом: что может быть названо его основным мифом? На эту роль,

---

[30] Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 259.

[31] Термин «локальный текст» был предложен в работе: Абашев В.В. Идея «Пермского собора» в культурном самосознании Перми на рубеже 19 – 20 вв. // Вестник гуманитарной науки. 1996. № 4 (36). С. 41.

[32] Щукин В.Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 318.

как нам представляется, претендует фольклорный по своему происхождению образ сонного царства. Напомню, как И.А. Гончаров в «Обрыве» описывает провинциальный город: «Было за полдень давно; над городом лежало оцепенение покоя, штиль на суше, какой бывает на море, штиль широкой, степной, сельской и городской русской жизни. Это не город, а кладбище, как все эти города. Он не то умер, не то уснул или задумался».

Еще одна составляющая мифа русской провинции – это восприятие своего, так сказать, болота, как главной кочки в пространстве. П.И. Якушкин в «Путевых письмах» свидетельствовал: «Сами жители говорят про свои родные города одно и то же; в Харькове я слышал поговорку: “Харьков городок – Петербурга уголок”»[33]. У нас на слуху идентичное: «Коломна городок – Москвы уголок». Если кто проезжал Луховицы, то видел над дорогой плакат: «В России три столицы: Москва, Питер, Луховицы». При этом нет развязки, водители стоят в пробке и любуются на сию «затею сельской остроты».

Миф о сонном царстве провинции идет, скорее всего, от Гоголя и в XIX веке получает основательное подкрепление: Герцен, Щедрин, Островский, Достоевский, Гончаров… В XX в. особенно сгустились отрицательные краски провинциального мифа: Ф. Сологуб («Мелкий бес»), Горький («Городок Окуров»), Е. Замятин («Уездное») и т. д. В этом ряду должно быть названо и имя А.В. Чаянова. В 1918 г. у него выходит «История парикмахерской куклы»… Герой бежит из Москвы, ищет какое-то побий другое измерение жизни и находит его «отпечатки» в уездной Коломне, ведущие затем в Венецию. Получается, что Коломна и Венеция – два «паноптикума» на грани сна и яви.

У начала «коломенского текста» стоят три имени: Иван Иванович Лажечников, Никита Петрович Гиляров-Платонов и Борис Пильняк. Они главным образом и создали запоминающийся литературный образ Коломны, то словесное зеркало, в которое смотрится наш город.

---

[33] Якушкин П.И. Сочинения. М., 1986. С. 32.

Заметим сразу, что далеко не каждому уездному городу России повезло с таким рекламным зеркалом.

Образ Коломны эпизодически появляется сначала в исторических романах И. И. Лажечникова. В «Последнем Новике» герой, русский шпион, провел детство в маленьком городке, в котором легко узнается Коломна. Детские воспоминания греют его всю жизнь и питают душевные силы. В «Ледяном доме» напоминание о Коломне скорее отрицательное – имеется в виду портрет дебелой коломенской пастильницы. Эти эпизоды, разумеется, еще не создают «коломенского текста», он формируется в рамках поздней автобиографической прозы писателя.

В 1856 г. Лажечников выпускает повесть «Беленькие, черненькие и серенькие», которая печатается в «Русском вестнике» параллельно с «Губернскими очерками» Щедрина. Лажечникову удалось многих опередить в русской литературе. Это вообще очень интересный феномен, когда писатель второго ряда выходит вперед и как разведчик апробирует какие-то темы, мотивы, образы, которые только потом разовьются у русских гениев. Лажечников опередил щедринскую «Историю одного города», когда в «Беленьких, черненьких и серебьких» вывел гротесковый ряд градоначальников города Холодни (Холодня – читай Коломна, Лажечников этого почти и не скрывает: топография однозначно коломенская). Галерея холодненских градоначальников во многом опережает синклит правителей города Глупова. Насон Моисеич – градоначальник благодушный, даже чересчур добрый и мягкий, его окружение этим пользуется, и жителям от его доброты нисколько не сладко. Затем начальство то ли прогрессирует, то ли деградирует и все кончается Герасимом Сазонычем Поскребкиным… Фамилия его говорящая. Это градоначальник, который ничего мимо себя не пропускает, вплоть до сальных свечей, фонарного масла, и даже заборы идут у него в ход.

На фоне то недалеких, то блудливых «отцов города» Лажечников и воссоздает знакомый миф провинции как сонного царства. Вот его ключевое описание: «В Холодне <…> ничто не

изменяло мертвой тишины города. По-прежнему нарушалась эта тишина мерными ударами валька по мокрому белью и гоготанием гусей на речке; по-прежнему били на бойнях тысячи длиннорогих волов, солили мясо, топили сало, выделывали кожи и отправляли все это в Англию; по-прежнему в базарные дни <…> скрипели на рынках сотни возов с сельскими продуктами и изделиями, а меж ними сновали, обнимались и дрались пьяные мужики. По воскресным дням толпы отчаливали к городскому кладбищу, чтобы полюбоваться на земле покойников очень живыми кулачными боями»[34]. Состояние «мертвой тишины», кажется, только подчеркнуто динамикой «живого» круговорота («по-прежнему»).

В градообразующей, как бы теперь сказали, среде – похожие картинки. «Пузатые купцы, как и прежде (курсив мой. – В.В.), после чаепития упражнялись в своих торговых делах, в полдень ели редьку, хлебали деревянными или оловянными ложками щи, на которых плавало по вершку сало, и уписывали гречневую кашу. После обеда, вместо кейфа, беседовали немного с высшими силами, т. е. пускали к небу из воронки рта струи воздуха, потом погружались в сон праведных»[35]. Кейф и «сон праведных» как-то заслоняют «упражнения в торговых делах» – проявляется истинная система жизненных ценностей.

Следом идет описание женской половины купеческого города: «Прекрасный пол в Холодне имел тоже свои умилительные забавы. Купчихи езжали <…> друг к другу в гости. Посещения эти начинались киванием головы, как у глиняных кошечек, когда их раскачают, и прикладыванием уст к устам. Затем усаживались чинно, словно немые гости на наших театральных подмостках; следовали угощения на двадцати очередных тарелках с вареньями, пастилою и орехами разных пород. При этом неминуемо соблюдалась китайская церемония бесчисленных отказов и неотступного потчивания с поклонами и просьбою понудиться.

---

[34] Лажечников И.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1899. Т. 1. С. 41 – 42.

[35] Там же. С. 42.

Кукольная беседа нарушалась только пощелкиванием орешков и оканчивалась такими же китайскими церемониями… И возвращались гости домой довольные, что видели новые лица, подышали на улице свежим воздухом и свободой!»[36]. Кукольная комедия женских посиделок и смешная и грустная: словно живая жизнь (жажда «новых лиц» и «свободы») затянулась в умертвляющий корсет, дух сонной одури превращает людей в китайских болванчиков. Совершенно очевидно, что здесь Лажечников идет в русле гоголевских традиций, ведущих затем к Щедрину.

Однако называется повесть «Беленькие, черненькие и серенькие». Триада структурирует и образ города. «Серенькие» в основном спят, «черненькие» крадут без устали, но вот откуда в этом мертвом царстве берутся «беленькие», Лажечников не поясняет. Между тем они есть, и писатель не находит им другого определения, как «уроды». Лажечников вышел здесь на очень большую тему, на которую чуть раньше выходил Гоголь: показать все-таки «беленьких». Следует сразу сказать, эта задача оказалась не по силам нашему автору, как, впрочем, и самому Гоголю. Видимо, еще время не приспело для этого рода литературных героев. И провинциальная «беленькая» Россия, вполне убедительная, предстанет в художественном слове несколько позднее. Я имею в виду Лескова, прежде всего роман «Соборяне». Но надо сказать, что и Лажечников все-таки делает к этому шаг. Его повесть поддерживает своеобразный футурологический вектор русской литературы.

Интересно, что и Гиляров, и Пильняк в своих описаниях Коломны идут совершенно сознательно от Лажечникова, хорошо зная его автобиографическую прозу. Доказательства очевидны: это речь Гилярова о Лажечникове и очерк Пильняка «На родине Лажечникова».

В 1869 г. Никита Петрович Гиляров-Платонов на юбилейном вечере Лажечникова читает речь, где пытается определить вклад своего земляка в русскую литературу. И говорит при этом, что Коломна – это не случайность рождения,

---

[36] Там же. С. 42 – 43.

не только географический термин, юбиляр несет в себе пространственный черты своеобразного художественного типа коломенского гражданина. Очевидно, не без воздействия провозглашенной И. Тэном в 1863 г. триады влияния (раса, среда, момент) Гиляров говорит о том, что исторические предания, ландшафт обитания и языковая среда накладывают на личность писателя неизгладимый отпечаток. Лажечников, – утверждает Гиляров, – не только бессознательно несет в себе особенности местности, где он родился и вырос, но он и вполне осознанно формирует нравственную связь с нею в своей автобиографической прозе. Горы, море, степь – «есть действительная красота в том и другом; не лишено и производительности то и другое. Но местность слегка волнистая с небольшими холмами, извивающаяся ручейками и плавною рекою <…>: тут больше жизни, больше красоты, больше и богатства»[37].

Речь о Лажечникове можно считать первым наброском идей, положенных Гиляровым в основание собственного автобиографического эпоса – книги «Из пережитого» (1886). Волнистая, непрямая линия жизни автора, находя соответствия в историческом, бытовом, духовном измерении, обретает качество некоей национальной геометрии, если можно так выразиться. Автор начинает свою книгу соображениями о многоярусности (термин П.В. Киреевского) русской провинциальной жизни, где человек XIX в. легко найдет остатки XVIII, XVII, а в каких-то закоулках даже и XIII столетия. Эту многоярусность Гиляров передал в замечательных описаниях Коломны.

В отличие от дворянско-купеческой Коломны Лажечникова Гиляров создает образ провинциальной «поповки», как Лесков называл среду провинциального клира, которая в светской литературе вплоть до Лескова, до его «Соборян», имела отрицательные в основном коннотации. Интересно, что в жесткости описания жизни и быта коломенского духовного училища Гиляров нисколько не уступает «Очеркам бурсы» Помяловского, но здесь

---

[37] Гиляров-Платонов Н. Речь на праздновании 50-летия литературной деятельности И.И. Лажечникова 4 мая 1869 года // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 195.

все же другая точка зрения. Гиляров критикует бурсу изнутри, не теряя при этом веру. Это фундаментальное свойство всей его автобиографической эпопеи.

Взгляните на зафиксированные Гиляровым коломенские предания. Вот один черт сидит на Мотасовой (т. е. Свибловой) башне, а другой летит из Бобренева монастыря, где уже успел соблазнил монахов, и теперь желает соблазнить мирян-коломенцев. Тот, что сидит на башне, смеется: «я тут уже лет четыреста от нечего делать мотаю ногами; здесь нас с тобой поучат грешить»[38]. По этому поводу (а также по поводу легенды о происхождении имени города от изгнания «колом» преподобного Сергия) автор замечает: «Самоосуждение свойственно не одной Коломне, а вообще русским древним, происхождение которых затеряно. Замечательна эта народная черта. Не хвалятся, чем даже основательно хвалиться, не помнят героев, забывают о своих исторических заслугах, а помнят Божиих святых людей и им противопоставляют себя как негодных и грешных…»[39]. Эта контрастность провинциального духа, отмеченная еще Лажечниковым, находит подтверждение у Гилярова, и так же, как у Лажечникова, у него сохраняется вера, что «беленькие», вот эти десять праведников, за которых заступился Авраам (Быт. 18. 23 – 33), они все-таки в Коломне есть.

Еще один важный момент – провинциальная эсхатология. У Лажечникова на улицах Холодни «то появлялся оборотень, который по ночам бегал в виде огромной свиньи, ранил и обдирал клыками прохожих; то судья в нетрезвом виде въезжал верхом на лошади и без приключений съезжал по лесам строившегося двухэтажного дома…»[40] (право, не знаешь, кто опаснее для «спокойствия населения»). Гиляров, в свою очередь, описывает Коломну как пустеющий город. В главе «Старая семинария», рассуждая о том, что вместе с епархией и

---

[38] Гиляров-Платонов Н. Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886. Ч. 1. С. 8 – 9.

[39] Там же. С. 9.

[40] Лажечников И.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1899. Т. 1. С. 43 – 44.

семинарией из города ушла его душа, автор выходит на свою, возможно, главную тему. «Опустела родина. Она подошла под тот тип казенщины, который там раньше, там позже, но неуклонно повсюду овладевает Россией, стирая все бытовое, местное, историческое <…>. Раньше развенчаны Ростов и Переславль, позже или одновременно с Коломной Белгород и Переяслав. С каким-то кажущимся озлоблением, а в сущности даже безотчетно преследовались самые названия <…> во всех этих общественных проектах и мероприятиях действует фронтовой идеал, который заседает в душе русских умников. Разнообразие коробит, волнистые линии колют глаз, личная самостоятельность, местная особенность приводят ум в замешательство»[41]. Между тем подлинная перспектива русского развития – это не прямая линия, не централизация, уничтожающая местные особенности. Еще в речи о Лажечникове Гиляров говорил, что, в частности, и «коломенский текст» определяет волнистая линия. Как Пьяная лука на Москве-реке.

Тема прямой и волнистой линии продолжается в произведениях Пильняка, где Коломна становится знаковым городом, определяющим сущность того революционного процесса, который происходит в России, и во многом объясняющим, что есть Россия, Русь. Коломна является эдаким экспериментальным полем для Пильняка. Коломенский текст формируется им как текст эсхатологический. «Голый год» (1922) стал первым романом о русской революции, и объяснял он ее исходя именно из особенностей русской провинции. Интересен генезис коломенского текста в творчестве Пильняка.

Еще в 1918 г. писатель опубликовал очерк «На родине Лажечникова», где присоединился к указанному выше провинциальному мифу. «Я иду по улочкам города. В небе точно раскололось солнце и брызжет раскаленными лучами. Заполдни, –тот час, когда бывают миражи, и когда видишь сны наяву»[42]. Возможно, это те самые сны, которые снились Лажечникову, про диких чудовищ,

[41] Гиляров-Платонов Н. Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886. Ч. 1. С. 46.

что бегают по улицам и обдирают прохожих. Страшные сны посещают сонный город, потому что сон разума рождает чудовищ. Эти сны наяву возвращаются к Борису Пильняку через много лет. «Нет, не мираж. Так же описывал Коломну и Ив.Ив. Лажечников. Только с тех пор она ничуть не изменилась»[43]. И дальше рефрен: «сон давних дней», «сон давних дней» – пять раз. И все заканчивается описанием заснувшего на солнце старика-рассказчика.

В том же 1918 г. Пильняк печатает рассказ «Монастырское предание», в основу которого положена легенда о раскаявшемся разбойнике, основавшем Старо-Голутвин монастырь (о происхождении названия от голутвы, голытьбы, разбойников писал еще Карамзин)[44]. Это сочетание разбойничьего и святого, эта амбивалентность провинции захватывает Пильняка.

В 1919 г. он печатает рассказ «Коломна», всего две странички вокруг документальной «выписки из книги постановлений коломенского Сиротского суда за 1784 год»[45]. Очевидно, в данном случае следует верить писателю, что он мог найти этот листок «на базаре коломенском, после разгрома коломенского архива» (когда-то располагавшегося в бывшем Спасском монастыре). Сочную цитату из архивного документа трудно было придумать. Также не сочинил он, а только подредактировал надпись на Пятницких воротах (которая сейчас восстановлена): «Спаси, Господи, град сей и люди Твоя и благослови вход во врата сии». Эту надвратную надпись он цитирует и в очерке «На родине Лажечникова» (1918) и в рассказах «Коломна» (1919), «Колымен-город» (1920), и в романе «Голый год» (1922). Ей придается некое эсхатологическое значение.

Названный ряд произведений постепенно развертывает коломенский текст Пильняка[46]. Затем его продолжают романы «Машины и волки»

---

[42] Пильняк Бор. На родине Лажечникова // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 199.

[43] Там же. С. 202.

[44] Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 267.

[45] Пильняк Бор. Коломна // Мирское дело. 1919. С. 54.

(1925) и «Волга впадает в Каспийское море» (1930), где место Ордынина, псевдонима Коломны в «Голом годе», снова занимает Коломна, с теми же знаками пространства. Пильняк, вослед Лажечникову, структурирует его по принципу «Беленьких, черненьких и сереньких». Пытается отыскать «беленьких» и находит уже в «Колымен-городе» святого Данилушку, сумасшедшего, с точки зрения окружающих. «Был он наг и бос, носил вериги, был иконописен, рыжебород, синеок. Если Иван Емельянович был (неизвестно почему) жесток и злобен, то Данилушка (тоже неизвестно почему) был добр»[47]. Так же, как у Ивана Емельновича есть прототип в документах коломенского архива, у Данилушки есть свой прототип – это Данилушка Коломенский, описанный в книге Прыжова «26 московских пророков, юродивых…»[48]. Прыжов описывает, что он трижды предсказывал пожар, предсказал смерть своего отца. И именно так описывает Данилушку Коломенского Пильняк: «Данилушка умел ясновидеть и говорить только правду или ничего не говорить»[49]. Этот ранний «беленький» герой получил у Пильняка парадоксальное продолжение в образе коммуниста-юродивого Ивана Ожогова из романа «Волга впадает в Каспийское море». Оба они ценны в своей бескомпромиссной святости («уроды», как сказал бы Лажечников) не нужны окружающему их миру, хоть старому хоть новому.

Эсхатологическая тема звучит все сильнее в романах Пильняка вплоть до последнего – «Соляного амбара», где извилистый провинциальный (отчасти коломенский) текст отступил под натиском прямолинейной вселенской мощи новой веры, марксизма. В романе «Машины и волки» провинциальное многоголосье сбивает «черненьких» и «беленьких» в одну бесшабашную поистине волчью стаю: «На коломенских землях можно было купить и

---

[46] Назову две основных работы на эту тему: Кузовкин А.И. Краеведческое изучение творчества Пильняка // Б.А. Пильняк: Исследования и материалы: Межвуз. сб. науч. тр. Коломна, 1991. Вып. 1. С. 98 – 105; Петросов К.Г. Коломна в судьбе и творческом сознании Бориса Пильняка //Коломенский альманах – 97. М., 1997. С. 232 – 254.

[47] Пильняк Б. Былье. М., 1920. С. 15.

[48] Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. С. 46 – 49.

[49] Пильняк Б. Былье. М., 1920. С. 16.

продать: честь, совесть, мужчину, женщину, корову, собаку, место, право, девичество. На коломенских землях можно было замордовать, заушить: честь, совесть, ребенка, старика, право, любовь. На коломенских землях пили все: и водку, и денатурат, и политуру, и бензин, и человеческую кровь. На коломенских землях матершинничали: во все, – в бога, в душу, в совесть, в печенку, селезенку, ствол, в богомать и мать просто, длинно, как коломенская верста. На коломенских землях молились (отцу, сыну и духу), чорту, сорока великомученикам, десятку богоматерей, пудовым и семиточным свечам, начальству, деньгам, ведьмам, водяным, недостойным бабенкам, пьяным заборам. Вор, дурак просто и Иванушка-дурачок, хам, холуй, смердяков, гоголевец, щедриновец, островский – и с ними юродивые-Христа-ради, Алеши Карамазовы, Иулиании Лазаревы, Серафимы Саровские – жили вместе, в тесноте, смраде, пьянстве…»[50]. Убойный ассортимент должен подчеркнуть совершенную мертвенность живущего «сквозь сон»[51] города, на смену которому идет город Коломзавода, город машин. «Наука освободит от сна»[52], – мечтает Дмитрий Росчиславский, убитый ударом мужицкого общества кулака. Объективно говоря, не очень верится, что если вырвать из коломенского кремля «гнилые зубы соборов и церквенок» (как выражается другой пильняковский мечтатель Лебедуха), то Россия счастливо «зашумит машиной»[53]. Читатель «Машин и волков» не всегда может понять: а сам-то автор в это верит, или он спрятался за статистика Ивана Александровича Непомнящего, на последних страницах, кажется, умирающего?

Где сам Пильняк? Он уходит от прямых вопросов, но зато предлагает обозреть панораму и «обильной» и «бессильной» русской провинции, матери русской революции. В романе «Волга впадает в Каспийское море» Пильняк вольно или невольно

---

[50] Пильняк Б. Сочинения: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 173 – 174.

[51] Там же. С. 345.

[52] Там же. С. 349.

[53] Там же. С. 194.

приходит к «национальной геометрии» Гилярова-Платонова. С самых первых строк он говорит, что реки никогда не текут по прямой линии, они всегда извилисты. В природе нет прямых линий. Здесь исток человеческих трагедий, личных и общественных. Люди пытаются подчинить себя прямой линии, прямизне революции, они задумали повернуть реки вспять и около Маринкиной башни ставят монолит. Теперь Ока и Москва-река должны повернуться и оросить пустыню. Замечательный революционный проект, а в ходе его реализации рушатся жизни, рушатся личные судьбы, потому что они не подчиняются закону прямой линии. Коломенский текст в его эсхатологической ипостаси представительствует у Пильняка за всю провинциальную Русь. Писатель, ведомый внутренней логикой этого текста, вынужден возвращаться к тем смыслам, которые заданы были в XIX в., о том что русская линия, – это все-таки не прямая. Прямая линия разрушительна, она централизующая, опустошающая, омертвляющая, и только волнистая линия несет в себе жизнь.

Коломенский текст – это некий сверхтекст, проявляющий себя достаточно независимо от индивидуальных особенностей творящих его художников. Через них (хотя и не за них) Коломна заговорила от лица российской провинции. Отсюда и родилось то ощущение, которое точно выразил Борис Пильняк: «я … мерил мир Коломной»[54].

3.2. Романы Пильняка «Соляной амбар» и Р. Славацкого «Мемориал».

Коломенский период жизни Б. Пильняка продолжался с 1913 по 1924 годы. В 1911 году Вогау перебрались в Коломну. Андрей Иванович работал ветеринарным врачом, в Коломне он заведовал ветлечебницей. Жили на улице Полянской в доме № 14. Андрей Иванович принимал активное участи в жизни коломенского общества, был членом правления библиотеки имени И. И. Лажечникова. В 1913 году Борис переехал к родителям в Коломну, а затем жил в доме № 7 по ул. Арбатской. Раньше

[54] Пильняк Борис. Мне выпала горькая слава… Письма 1915 – 1937. М., 2002. С. 237.

считалось, что этот дом располагается по улице Никольской, в 1921 году переименованной в улицу Посадскую. Этот небольшой деревянный дом принадлежал тестю Бориса Пильняка, А. А. Соколову, дьякону стоящей рядом Николо-Посадской церкви. Старшая дочь дьякона Мария Алексеевна стала первой женой писателя. С М.А. Соколовой Б. Пильняк венчался в Никольском храме села Черкизова. Дом располагался в церковной ограде. Отсюда происходит постоянный литературный адрес Пильняка, которым он подписывал свои произведения: «Коломна. Никола – на –Посадьях».

Провинциальнач Коломна, выступая по разным названиям (Колымень-город, Ордынин город, Росчиславль), становится одной из важнейших и смыслообразующих и мифологем в творчестве Пильняка вплоть до последнего романа «Соляной амбар» (1937), посвященного художественному исследованию зарождения и развития феномена революционного сознани в провинции провинциальной субкультуры как таковой. Именно Коломна, с ее овеянным легендами прошлым, уходящим в глубину русской истории, с специфическим бытовым и психологическим укладом, где традиционное причудливо смешано с новым, стал основой той «картин России», которую создает писатель в своих произведениях конца 1910-х— начала 1920- годов.

Исследователи творчества Б. Пильняка называют Коломну его литературной родиной, образ которой воссоздан во многих произведениях писателя. «Россия, Коломна, Никола-на-Посадьях» - такой литературный адрес стоит под романами «Голый год», «Машины и волки», под многими рассказами и повестями.

Одним из первых произведений Пильняка, посвященных Коломне, явился очерк «На родине Лажечникова», впервые опубликованный в сборнике «Дорогие места» (Москва, 1918). Забытый очерк был недавно обнаружен краеведом Денисовым, и спустя семьдесят лет был опубликован в 1989 году в «Коломенской правде».

В ноябре 1921 года Пильняк написал в Коломне рассказ «Метель». И вновь в нем нетрудно угадать

географические приметы нашего города, окрестностей: Спасскую церковь недалеко от кремля, Житную площадь. Известна коломенцам и легенда о посохе Сергия Радонежского, который хранился в Старо-Голутвине монастыре. Упомянут в рассказе и хорошо знакомый коломенцам дом Озерова.

С первых дней известности творчество писателя сопровождалось противоречивой, и вульгарной критикой. Его упрекали в отсутствии в его произведениях коммунистической оси, в том, что он воспринял революцию как бунт, метель, которая замела и растеряла истины. Критикам не нравилась описываемая писателем правда, отличавшаяся от официальной.

12 окт. 1937 Пильняк был арестован. Он успел закончить свой последний роман «Соляной амбар» (опубл. 1990), где вновь обращался к феномену русской революции в провинции и роли в ней интеллигенции (рукопись романа была сохранена первой женой писателя М.А.Соколовой).

Роман автобиографичен – в его основе лежат впечатления детства и юности Б. Пильняка. Сам роман также неординарен, как автор, как описываемая им революция, которая происходила у него на глазах.

На уроках литературы роман может помочь рассказать детям о том, как протекала жизнь в Коломне в начале XX века. Например, было бы уместно рассказать об этом произведении при изучении на уроках романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Дружившие и жившие по соседству Б. Пильняк и Б. Пастернак одновременно начали создавать свои эпические произведения о революции.

Действие романа происходить в провинциальном городке Камынске и окрестностях, охватывает все слои общества. Город Коломна, где долгое время прожил сам писатель, как образ провинции и всей России, проходит через все творчество Бориса Пильняка.

Название романа «Соляной амбар» тоже не случайно, оно символично. В самом произведении соляной амбар стоял на стыке города с деревней и был свидетелем многих событий.

Беспорядок и трагизм революции принимаются Б. Пильняком не только как безудержное и разрушительное, но и как творческое влияние, так как оно содействует выявлению внутренних способностей героя, дает возможность сосредоточить его деятельность в гуманистическом направлении.

Андрей Криворотов определяет своим революционным долгом не идеологическую борьбу, а борьбу за утверждение вечных общечеловеческих ценностей: жизни, любви к ближнему, правды, верности семье, дружбе.

Революция дала герою надежду на возможность изменения окружающего мира, сделать его нравственнее. Перейдя на сторону революции, Андрей видит в ней утверждение нравственных основ человеческой жизни. По мысли Криворотова, революция должна привести к "очеловечиванию человека", его позитивному изменению.

Роман Вадимович ГАЦКО-СЛАВАЦКИЙ родился в Коломне 15 сентября 1957 г. в семье журналиста В.Ф.Гацко и учительницы математики Н.П.Гацко.

Фамилия Гацко-Славацких – западнорусского происхождения. Прадед писателя – Никон Гацко – белорусский рус*и*н с небольшой примесью украинской, польской и словацкой крови. К сожалению, культурные и семейные связи с Западной Русью утрачены. Славацкий воспитывался в русской традиции коломенских семей – ремесленников и мастеровых: Колесниковых и Красновых.

С детства Славацкий увлекался историей Древнего Египта, Греции и Рима.

В поэзии на него оказали основное влияние поэмы Гомера, лирика архаической и классической Греции, а также римские лирики периода «золотого века» и Вергилий.

В прозе литературное воспитание определялось прежде всего Плутархом (главным образом – «Сравнительными жизнеописаниями»).

В 1970 годы круг литературной учёбы расширился. Огромное воздействие оказала литература Возрождения, прежде всего – о. Франческо Петрарка, Боккаччо, поэты «нового сладостного стиля» (Алигьери, Кавальканти). Из французов можно назвать поэтов «Плеяды» (прежде всего – Ронсар и дю Белле). С тех пор у писателя развивается увлечение сонетом, от обаяния которого он так и не смог освободиться впоследствии.

Славацкий воспитывался в атеистической среде, однако с первой половины 1980-х гг. он увлекается оккультизмом: учением орфиков и гностиков. Это приводит к тяжёлому духовному кризису, который заканчивается лишь в 90-х годах принятием христианства, сначала – в обновленческой трактовке, затем – в образе Православия.

В этот период приходит увлечение творчеством старших символистов (Брюсов,

Бальмонт) и акмеистов (Гумилёв, Ахматова, Мандельштам), а также новой французской литературой («парнасцы» и главным образом – Эредиа).

Славацкий пробует себя в литературном переводе (де Ронсар, дю Белле, Шекспир и «елизаветинцы», Уайлд). Некоторые переводы опубликованы позднее в сборнике «Ковёр» (сонеты Ронсара и Уайлда).

Значительную роль в развитии личности Славацкого сыграла его работа в Коломенском краеведческом музее (1986-1996), где он занимался историческим краеведением, литературной историей Коломны и церковной историей города. Этапными стали выставки, посвящённые Литературным Старкам, Лажечникову, истории Коломенского краеведческого музея. Стараниями Славацкого установлена мемориальная доска на Шервинской школе в Черкизове. Писатель принимает активное участие в общественной работе по защите архитектурного наследия Коломны.

Первые публикации появляются в 1985 г. С 1993 г. Славацкий работает в православной газете «Благовестник» заведующим отделом церковного краеведения и беллетристики.

После увольнения из музея Славацкий встаёт на стезю профессионального писателя, становится одним из основателей «Коломенского альманаха» (с 1997 г.).

В 2007 г. Роман Гацко-Славацкий пишет поэму «Мемориал», мистический детектив, который создан с претензией коломенский текст обобщить и завершить. По стилистике это постмодернистский текст.

Постмодерн - стремление одолеть соцреализм с его безусловными ценностями. Отечественная постмодернистская литература прошла процесс «кристаллизации», прежде чем оформилась в соответствии с новыми правилами. Сначала это была «другая», «новая», «жесткая», «альтернативная» проза Вен. Ерофеева, А. Битова, Л. Петрушевской, С. Каледина, В. Пелевина, В. Маканина, В. Пьецуха, и др. Это проза была оппозиционной по отношению к традиции, это была иногда даже «пощечина общественному вкусу» с ее антиутопичностью, нигилистическим сознанием и всеобъемлющей иронией, цитатностью, чрезмерной ассоциативностью, интертекстуальностью. Постепенно из общего потока альтернативной прозы выделилась именно постмодернистская литература с ее собственно постмодернистской чувствительностью и абсолютизацией игры слов. Отсюда в «Мемориале» и игра временными планами, и игра культурными планами.

Само произведение не стоит читать как прозаический текст, так как оно имеет свой поэтический ритм.

Произведение Р. Славацкого «Мемориал» можно сравнить с Н.В. Гоголем, так как коломенский писатель назвал свое объемное произведение поэмой. Разница лишь в том, что Гоголь описывает всю помещичью Россию, а Славацкий ограничивается эпизодами из жизни людей маленького города.

Я бы также заметила сходство произведения Р. Гацко-Славацкого с М. Булгаковым. Как и Булгаков, Славацкий разделил свое произведение на две части, в одной из которой действие разворачивается в Коломне в настоящем времени, а в другой идет описание осады Трои. В романе Булгакова «Мастер и Маргарита» обе части объединяет Мастер, который написал книгу об Иисусе Христе, в то время как в поэме Славацкого есть некий Август Виткевич, пишущий роман о Трое. Но если обе части «Мастера и Маргариты» могут существовать и друг без друга, так как в одной идет описание Москвы времени Булгакова, а в другой «Евангелие от Сатаны», то две части «Мемориала» руг без друга существовать не могут. Коломенский писатель ведет повествование в двух временных пластах, что создает игру временными планами, что как раз свойственно постмодернистскому тексту.

В первую очередь интересно какова доля реальности в поэме. Славацкий считал Коломну литературным мифом, переплетением фантазий писателей. В любом мифе есть реальные основания, так и у литературы есть свои истоки реальной истории. Например, легенда о храме, который ушел под землю после Батыева нашествия. Батыево нашествие и коломенская битва 1238 г. – это факт.

Что касается Государственной Либерии (библиотека Ивана Грозного), то Коломна издревле была центром книгописания и существование соборных библиотек документально подтверждено. Есть вероятность, что и правда там были тайные книги, которые привозили ссыльные. Отсюда и коломенские сказания о Царской библиотеке, которые были обработаны автором и вставлены в поэму «Мемориал».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Локальный текст — научная категория, несущая в себе повышенный исследовательский потенциал. С одной стороны, внутри художественного целого она частично пересекается с такими литературоведческими понятиями, как «хронотоп», «топос», «локус», поэтому может быть измерена в пространственно-временных параметрах. С другой стороны, локальный текст — это всегда парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. Третий аспект рассмотрения — выход из фиктивного мира художественных произведений в реальный мир конкретного географического места. В этом случае исследование локального текста способно предоставить сведения об истории, культуре, менталитете, поведенческих характеристиках людей, представляющих ту или иную местность.

Локальный текст — это корпус «текстов о месте», благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик. Впоследствии некоторые из них становятся константами (например, «призрачный миражный Петербург»).

«Роль художественной литературы в осмыслении локального текста основополагающая, поскольку только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру», — пишет И. С. Абрамовская в статье «Проблема “локального текста” в русской литературе 19 века».

Символическая ценность локального текста несомненна, так как он — своего рода знак, манифест того или иного локуса, выполняющий функцию идентификации.

В данной дипломной работе мы проделали работу по анализу и сравнению различных видов регионального текста. Подробно их описали. Охарактеризовали само понятие регионального (локального) текста, его роль в художественной классической литературе.

Таким образом, локальные тексты русской литературы (как и локальные тексты русских писателей) располагаются вокруг знакового явления

российского пространства: географических объектов, имеющих «высокую культурную значимость» и обозначенных локусами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Электронный ресурс – Режим доступа: Краеведческая Абевега. http://www.near.msk.ru.
2. Электронный ресурс – Режим доступа: Литературное краеведение. http://wiki-sibiriada.ru.
3. Абашев, В.В. Пермь как текст. Пермь в культуре и литературе XX века [Текст] / В.В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
4. Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. № 8. 2008. С. 419–442.
5. Ахметова М.В. «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2009. № 9. С. 207–215.
6. Белоусов Д.А. Литературно-краеведческий кружок в сельской школе: книга для учителя. Из опыта внеклассной работы / под ред. М.Д. Янко. – М: Просвещение, 1987. – С. 55.
7. Благой Д.Д. О «Вечерних огнях» А.А. Фета. М. : Худож. лит., 1975. 112 с.
8. Гиляров-Платонов Н. Из пережитого: Автобиографические воспоминания. М., 1886. Ч. 1. С. 8 – 9.
9. Гиляров-Платонов Н. Речь на праздновании 50-летия литературной деятельности И.И. Лажечникова 4 мая 1869 года // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 195.
10. Грибанова И. «Соль земли» // МВ-Культура. 1999. № 2. С. 2.
11. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М., 1975. С. 5.
12. Дранникова Н.В., Разумова И.А. Собирание фольклора Архангельской области на протяжении XIX – XX вв. // Фольклор Севера: Региональная специфика и динамика развития жанров. Исследования и тексты. Архангельск: Поморский ун-т, 1998. С. 5, 6.
13. Казаков Ю.П. Четыре времени года (ода Архангельску) // Казаков Ю.П. Две ночи: Проза. Заметки. Наброски. М.: Современник, 1986. С. 166

14. Калашникова О.М. Метод исследования и интепретирования при работе с текстами на уроках литературного краеведения. // Педагогическое обозрение. – 2007. - № 4.
15. Калинников *В.* Письма. Документы. Материалы : в 2 т. / сост., ред., вст. ст. и коммент. В.А. Киселева. М. : Музгиз, 1959.
16. Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 267.
17. Кивлева А.Н. «Через любовь к родному Забайкалью к любви его литературы…» (Из опыта работы по литературному краеведению).// Педагогическое обозрение. – 2007. - № 4.
18. Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов // Дети Ра. № 7 (117). 2014. http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html
19. Кошелев В.А. «Северный текст» в русской словесности // Северный текст в русской культуре: Материалы междунар. конф., Северодвинск, 25-27 июня 2003 г. Архангельск: Поморский ун-т, 2003. С. 5
20. Кузовкин А.И. Краеведческое изучение творчества Пильняка // Б.А. Пильняк: Исследования и материалы: Межвуз. сб. науч. тр. Коломна, 1991. Вып. 1. С. 98 – 105;
21. Лажечников И.И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1899. Т. 1. С. 41 – 42.
22. Литягин А.А., Тарабукина А.В. Специфика исследования культуры малых городов // Живая старина. 2001. № 1. С. 12.
23. Лихачев Д., Янин В. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры // Коммунист. 1986. № 1. С. 115.
24. Лихачёв Д.С. Русский Север // Лихачёв Д.С. «Русский Север… Я зачарован им до конца моих дней»: Из творческого наследия. Архангельск: Поморский ун-т, 2006. С. 86.
25. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 452,453,455.
26. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
27. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. М., 1996.

28. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 30.
29. Лотман Ю.М. Символические пространства // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 282.
30. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: Искусство-СПб, 1998. С. 423 436
31. Меднис Н.Е. Вопросы изучения "городских" текстов русской провинции // Сверхтексты в русской литературе // http://rassvet.websib.ru
32. Набоков В. В. Bend Sinister: Романы. СПб., 1993. С. 331.
33. Новости и биржевая газета. 1883. № 104. 16 июля.
34. Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 39.
35. О сакральном аспекте освоения пространства см.: Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 34–45
36. Петросов К.Г. Коломна в судьбе и творческом сознании Бориса Пильняка //Коломенский альманах – 97. М., 1997. С. 232 – 254.
37. Пильняк Б. Былье. М., 1920. С. 15.
38. Пильняк Б. Сочинения: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 173 – 174.
39. Пильняк Бор. Коломна // Мирское дело. 1919. С. 54.
40. Пильняк Бор. На родине Лажечникова // Дом Лажечникова: Историко-литературный сборник. Коломна, 2004. Вып. 1. С. 199.
41. Пильняк Борис. Мне выпала горькая слава… Письма 1915 – 1937. М., 2002. С. 237.
42. Пришвин М.М. За волшебным колобком // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1982. С. 1982.
43. Прыжов И. Г. Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. С. 46 – 49.
44. Свирида И.И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир / отв. ред. И.И. Свирида. М., 2007. С. 11–42.
45. Северный день. [Архангельск] 1918. 21 июня.
46. Северный текст русской литературы: сборник. Вып. 1 / сост. Е.Ш. Галимова. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 196 с.

47. Семантика и прагматика слова и текса. Поморский текст: Сб. науч. ст. Архангельск, 2010. 524 с.
48. Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л.: Госиздат, 1928. 311 с.
49. Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. — С. 6.
50. Табарданова Т.Б. Живое краеведение в школе: методические рекомендации./ Т.Б. Табарданова, В.Н. Янушевский – Ульяновск: УИПК ПРО, 2009.
51. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 3.
52. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. / подгот. текста и примеч. И.Я. Айзеншток. М.; Л., 1960–1968.
53. Фадеева, И.Е., Сулимов, В.А. Семиозис: Субъективная антропология символической реальности. – СПб.: Астерион, 2013. – С. 7.
54. Фет А.А. Сочинения : в 2 т. Стихотворения; Поэмы; Переводы; Т. 2: Проза / подгот. тек-ста, сост., коммент. А.А. Тархова. Т. 1. М. : Худож. лит., 1982. 520 с.
55. Храпова О. П. Роль краеведения на уроках русского языка, литературы и изобразительного искусства / О. П. Храпова, С. И. Лепёхина // Молодой ученый. — 2011. — №6. Т.2. — С. 169-171.
56. Цит. по: Гура В.В. Связь времен // Евдокимов И.В. Колокола. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. С. 12.
57. Чернов Н.М. Литературные места Орловского края. 2-е изд. Орел : Кн. изд-во, 1961. 155 с.
58. Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 тт.. М., 1978. Т. 13. С. 427.
59. Щукин В.Г. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007. С. 318.
60. Электронный ресурс – Режим доступа: Дарижабон З. В. Организация краеведческой деятельности подростка как основы социализации его личности. http://eaysyenqlishrtb.ucoz.ru.
61. Электронный ресурс – статья Викторовича В. А. о коломенском тексте русской литературы. http://kolomna-text.ru/study/46
62. Эпштейн М.П. «Природа, мир, тайник вселенной…»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.
63. Якушкин П.И. Сочинения. М., 1986. С. 32.